

Объединяющий и разобщающий
потенциал идеологических доктрин
в системах межгосударственных отношений

Михаил Н. Грачев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, grachev.m@rggu.ru*

Сергей В. Лебедев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», svlebedev@hse.ru*

Аннотация. Настоящая статья основывается на идее Стивена Уолта, согласно которой идеологические проекты, направленные на объединение государств в политические союзы, в действительности изначально обладают разобщающим потенциалом, который может быть активизирован властными амбициями национальных элит. Авторы подкрепляют эту гипотезу обращением к фактам, относящимся к ранним попыткам объединения Европы на основе христианско-монархической солидарности в первой половине XIX в. (Священный союз российского императора Александра I), а также к усилиям по созданию Объединенной Арабской Республики (ОАР) Египтом и Сирией и вызовам, с которыми столкнулось советское руководство при формировании сплоченной на общих идеологических началах системы социалистических государств во второй половине XX в. Авторы также обращаются к теории Марка Хааса, утверждающей, что в идеологически многополярной международной системе может возникнуть эффект «недобробалансирования» (неэффективного балансирования), когда отдельные государства оказываются неспособны эффективно определить, кто в действительности является их ключевым противником, и в значительной степени предпочитают стратегию перекладывания ответственности вместо создания альянсов или увеличения военных расходов. Тем не менее некоторые государства могут предпочесть создать коалицию против какого-либо другого государства, если оно одновременно представляет для них наибольшую идеологическую и военную угрозу. Авторы уточняют данную теоретическую конструкцию, дополнительно проясняя, каким образом государства в действительности идентифицируют тот или иной идеологический проект в качестве наиболее угрожающего. Основываясь на представлении о том, что каждая правящая элита считает политическое

выживание своей первостепенной целью, они утверждают, что определенная идеология будет восприниматься на уровне серьезной угрозы, если она напрямую бросает вызов легитимационному нарративу правящих кругов или (что менее вероятно) призывает к пересмотру подхода к перераспределению общественных благ. Однако, помимо радикализма, такая идеология должна также обладать потенциалом для широкого распространения и поддержки среди населения. Демонстрируя обоснованность данного утверждения, авторы анализируют парадокс, хорошо известный специалистам в области ближневосточной политики: отсутствие широкой суннитской коалиции против Ирана, которая должна была бы возникнуть, если следовать реалистической логике баланса сил. В статье показано, что государства, способные сформировать такую коалицию, расценивают различные интерпретации суннитской идеологии как более опасные по сравнению с шиитской идеологией, представляемой Ираном.

Ключевые слова: идеология, баланс сил, недобалансирование, многополярность, Священный союз, мировая социалистическая система, Объединенная Арабская Республика, Ближний Восток

Для цитирования: Грачев М.Н., Лебедев С.В. Объединяющий и разобщающий потенциал идеологических доктрин в системах межгосударственных отношений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 183–200. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-183-200

The unifying and divisive potential of the ideological doctrines in the interstate relations systems

Mikhail N. Grachev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, grachev.m@rggu.ru*

Sergei V. Lebedev

HSE University, Moscow, Russia, solebedev@hse.ru

Abstract. The article utilizes the Stephen Walt's idea that the ideological projects aimed at uniting states into political blocs actually possess built-in divisive potential that can be activated by the power ambitions of the national elites. The authors support this hypothesis by referring to the facts related to the early attempts to unite Europe on the basis of the Christian monarchic solidarity in the first half of the 19th century (the Holy Alliance of the Russian Emperor Alexander I), as well as to the efforts by Egypt and Syria to create

the United Arab Republic (UAR) and to the challenges that the Soviet leadership faced while trying to establish the system of the socialist states that would be united on the common ideological principles in the second half of the 20th century. The authors also resort to Mark Haas's theory that in an ideologically multi-polar international system, an "under-balancing" (ineffective balancing) may arise, where individual states are not able to effectively determine who is their most sworn enemy and largely prefer the "buck-passing" strategy instead of establishing alliances or increasing military expenditures. However, some states may prefer to form a coalition against another state if it simultaneously poses the greatest ideological and military threat to them. The authors contribute to this theoretical construct by shedding some additional light on the way the states actually identify one or another ideological project as the most acute threat. Building the argument on the notion that each ruling elite deems the political survival as the paramount goal, they argue that some ideology will be considered as a serious threat if it directly challenges the rulers' legitimation narrative or (less likely) calls for a revision of the approach to the redistribution of public goods. However, apart from being radical, such an ideology must also have the potential to become widespread and be supported by the population. In order to show the prudence of this claim, the authors analyze the paradox well known among the experts on Middle-East politics: the absence of a large Sunni coalition against Iran, which should have emerged following a realistic logic of the balance of power. This paper shows that the states capable of forming this coalition consider various interpretations of the Sunni ideology more dangerous than the Shia ideology represented by Iran.

Keywords: ideology, balance of power, under-balancing, multi-polarity, Holy Alliance, world socialist system, United Arab Republic, Middle East

For citation: Grachev, M.N. and Lebedev, S.V. (2025), "The unifying and divisive potential of the ideological doctrines in the interstate relations systems", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 183–200, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-6-183-200

Введение

Понятие идеологии, вошедшее в научный оборот на рубеже XVIII–XIX вв. благодаря работам французского философа и экономиста А. Дестюта де Траси¹, обычно соотносится с вопросами внутренней политики, делающими акцент на роли доктрин в на-

---

¹ *Дестюм де Траси А.* Основы идеологии: Идеология в собственном смысле слова. М.: Академический проект: Альма Матер, 2013. 333 с. (Философские технологии)

циональном, государственном, партийном строительстве и общественной солидарности. Однако наряду с данным направлением исследований, восходящим в своих истоках к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса², а впоследствии – и К. Мангейма [Мангейм 1976], внимание ученых-обществоведов второй половины XX – начала XXI в. в значительной мере сосредоточивается на проявлениях идеологической составляющей в рамках международных политических процессов и межгосударственных отношений.

Действительно, на протяжении значительной части XX в. ведение войн, формирование военно-стратегических и экономических союзов и заключение соответствующих договоров между государствами во многом обуславливалось соображениями идеологического порядка. Наглядным примером межгосударственного соглашения такого плана является известный Антикоминтерновский пакт, который был заключен в ноябре 1936 г. между Германией и Японией и преследовал цель воспрепятствовать распространению коммунистической идеологии в мире. Позднее к этому пакту присоединились Италия, Испания и некоторые другие государства, где к власти пришли политические силы, разделявшие ультраправые идеологии и крайне отрицательно относившиеся как к Советскому Союзу, так и к коммунистическим идеям в целом.

На общей идейной основе, связанной с категорическим неприятием нацизма и фашизма, сложилась и антигитлеровская коалиция в годы Второй мировой войны. При этом идеологические противоречия между ведущими государствами коалиции: СССР, с одной стороны, и Великобританией и США – с другой, во имя достижения победы над общими врагами на время отошли на второй план. Однако после разгрома нацистской Германии и капитуляции милитаристской Японии указанные противоречия между прежними союзниками резко обострились, что привело во второй половине XX в. к так называемой холодной войне – глобальному геополитическому и идеологическому противостоянию двух блоков государств: социалистических во главе с Советским Союзом и капиталистических во главе с США.

Это не означает, что влияние идеологии на международные отношения представляло собой некое принципиально новое явление, возникшее в минувшее столетие. Следует признать, что оно присутствовало, хотя и в меньшей степени, и в более ранние исторические эпохи. В частности, религиозные войны прошлого имеют

---

² Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы; 1955. С. 7–544.

немало общих черт с идеологическими конфликтами XX в.: это относится и к средневековым крестовым походам, направленным против «иноверцев», и к войнам между католиками и протестантами в Европе раннего Нового времени, и к столкновениям между индуистами и мусульманами в Индии. Вместе с тем необходимо различать реальные исторические события и их интерпретации, поскольку некоторые политические процессы и явления легче поддаются идеологическому толкованию, чем другие.

*Идеология как объединяющий и разобщающий фактор
в межгосударственных отношениях:
рабочая гипотеза и ее подтверждение*

Одним из ведущих зарубежных исследователей, пытавшихся осмыслить роль идеологического фактора в мировой политике и международных отношениях, стал американский политолог С. Уолт. Разрабатывая теорию создания альянсов, он, будучи представителем неореалистического направления, отводил доктринальным и идеологическим аспектам вторичную роль по отношению к силе, военной и экономической мощи государств, что, тем не менее, не помешало ему сделать некоторые интересные наблюдения.

В частности, Уолт отметил, что идеология, призванная объединять государства на основании общих ценностей, в действительности может выступать и в качестве разобщающего фактора, – при условии, что она предполагает выстраивание иерархической системы, во главе которой стоит политическая элита наиболее мощного государства, также претендующая на абсолютную истинность в интерпретации того или иного политического учения [Walt 1985, p. 21].

Принимая приведенный тезис в качестве рабочей гипотезы, обратимся к некоторым примерам из практики межгосударственных отношений, наглядно демонстрирующим его правомерность.

В данном плане представляется достаточно интересным проанализировать проект Священного союза, который пытался реализовать на европейской арене после победы в Наполеоновских войнах российский император Александр I, а впоследствии – и сменивший его Николай I. По мнению А.П. Цыганкова, опубликовавшего на английском языке монографию «Россия и Запад от Александра до Путина: честь в международных отношениях» [Tsyganov 2012], правящие круги Российской империи достаточно искренне хотели консолидировать Европу на основе христианской, промонархической и антиреволюционной идеи, однако эти интенции не всегда

встречали понимание в европейских столицах. Автор полагает, что российская внешняя политика исторически всегда была направлена на поддержание высокого статуса собственного государства на международной арене, и именно «честь» (honor) была ее ключевым внешнеполитическим детерминантом. Такая точка зрения, несомненно, способна вызвать немало возражений, и прежде всего со стороны исследователей, придерживающихся позиции реализма. Тем не менее нельзя не отметить, что пример Священного союза является убедительной иллюстрацией того, что универсалистские идеологические проекты всегда вызывали тревогу у правительств, участвовавших в них, и воспринимались ими в качестве угрозы собственной самостоятельности, даже если это открыто не признавалось. Несмотря на то что Российская империя была особенно последовательна в своей приверженности антиреволюционным идеям, это не вызывало у европейских политиков того времени убеждений в искренности намерений Александра I, а скорее, напротив, порождала предположения, что за заявлениями, исходящими из Санкт-Петербурга, на самом деле скрывались экспансионистские замыслы.

Условной реперной точкой, которая должна была бы убедить западноевропейские правительства в отсутствии подобных замыслов, стала реакция российского императора на развернувшуюся в 20-е годы XIX в. вооруженную борьбу греческого народа за независимость от Османской империи. С учетом показательной жестокости действий турецких властей против повстанцев и их сторонников, выразившейся, в частности, в публичной казни патриарха Константинопольского Григория V, который в действительности не поддерживал восставших, следовало бы ожидать, что Россия, опираясь на свой военно-стратегический потенциал, воспользуется нарративом о защите православия для нанесения серьезного поражения Османской империи. Однако Александр I после некоторых колебаний отказался поддерживать греческое восстание, рассудив, что подобные действия будут противоречить промонархическим и антиреволюционным принципам Священного союза, хотя турецкий султан не являлся христианским государем и указанные принципы формально на него не распространялись. Российская империя попыталась решить греческий вопрос исключительно дипломатическим путем и обратилась к военным действиям только спустя несколько лет после начала восстания, причем решила пойти на этот шаг только в составе широкой антиосманской коалиции.

Используя язык современных представлений из области экономики, можно утверждать, что отказ Александра I от прямой военной поддержки греческих повстанцев был «дорогостоящим сигналом» европейским правительствам, то есть демонстрацией искренности

своих антиреволюционных мотивов, подкрепленной готовностью к уменьшению «геополитического выигрыша», если исходить из предпосылки, что Российская империя стремилась к максимизации собственного международного влияния. Однако даже отказ от прямого военного вмешательства в греческое восстание, которое, скорее всего, привело бы к еще большему укреплению позиций России и, вероятно, к радикальному снижению геополитического веса Османской империи, не окончательно убедил западноевропейских политиков в том, что Александр I не стремится к доминированию в Европе, хотя откровенно резкие оценки и прямые обвинения Российской империи в попытке контролировать остальные столицы были скорее исключением. Чаще звучала критика проекта Священного союза со стороны таких прагматиков, как австрийский канцлер К. фон Меттерних, который считал, что идеи Александра I, по существу, представляли собой лишь «высокопарно прозвучавшее ничто» (*high sounding nothing*) [Holsti 1991, p. 121].

В работах зарубежных авторов, посвященных ретроспективному анализу внешней политики России, нередко высказываются не менее скептические оценки. Так, профессор Гарвардского университета Дж. Ле Донн отмечал, что в 30–40-е годы XIX в. «русские... были опасно близки к установлению собственной гегемонии в Хартленде» [LeDonne 1997, p. 314] и в целом выразил серьезные сомнения относительно того, что российские правители могли руководствоваться какими-либо моральными обязательствами на международной арене. Впрочем, некоторые исследователи занимают более сдержанную позицию и считают, что неореалистическая интерпретация действий европейских держав XIX в. методологически некорректна, поскольку она использует логику современной политики для анализа другой исторической эпохи [Schroeder 1994]. При этом сам А.П. Цыганков утверждает, что для понимания действий Александра I следует исходить из того, что он намеревался «преодолеть международную анархию и выйти за обычные пределы конфликтной политики: решить проблемы, покончить с угрозой и предотвратить ее возвращение через какое-то институциональное соглашение» [Tsyganov 2012, p. 73].

На наш взгляд, Священный союз можно условно назвать достаточно успешным политическим проектом, построенным на идеологических началах, – в том смысле, что на протяжении значительного времени он достаточно эффективно способствовал подавлению революционных выступлений в Европе. При этом успешность данного проекта, вероятно, во многом была обусловлена тем обстоятельством, что, опираясь на христианско-монархическую солидарность, он не являлся в строгом смысле международным

договором, налагавшим на его участников какие-либо конкретные обязательства, а представлял собой своего рода «протокол о намерениях», который не ограничивал правителей европейских государств в самостоятельности их действий выстраиванием некоей иерархической системы взаимоотношений. Вместе с тем, определенный скепсис политиков того времени и явные сомнения, прослеживающиеся в современном исследовательском дискурсе по отношению к проекту Александра I, однозначно указывают, что подобные идеологические инициативы всегда анализируются национальными правительствами с позиций возможной угрозы их самостоятельности.

Ярким примером из политических реалий середины XX в., наглядно иллюстрирующим приведенный тезис С. Уолта, является несостоятельность проекта Объединенной Арабской Республики (ОАР), который был тесно связан с идеологией панарабизма, предполагавшей интеграцию арабских государств. Данный проект был инициирован в конце 1957 г. политическим руководством Сирии: на фоне роста внутренней нестабильности и угрозы вмешательства внешних сил президент Ш. аль-Куатли обратился к президенту Египта Г.А. Насеру, который к тому времени уже считался «героем не только своей страны, но и арабской нации» [Бурова 2014, с. 204], с предложением о скорейшем объединении двух государств. Как отмечал профессор университета Майами А. Давиша, вначале Насер отклонил эту просьбу, сославшись на несовместимость государственного устройства и экономических систем двух стран, а также на серьезную разобщенность сирийских политических сил, однако впоследствии решил пойти на создание межгосударственного союза, выдвинув при этом условие, что это будет полное политическое объединение Египта и Сирии, которое он сам возглавит в качестве президента, с чем сирийская сторона в конечном счете согласилась [Dawisha 2016, pp. 193, 199–200].

В феврале 1958 г. по итогам плебисцита, состоявшегося одновременно в Египте и Сирии, было провозглашено создание ОАР во главе с Насером в качестве президента единого государства. По словам А. Давиши, арабский мир отреагировал на это событие «ошеломленным изумлением, которое быстро переросло в неконтролируемую эйфорию» [Dawisha 2016, p. 200]. Однако на деле реальная интеграция вскоре столкнулась с сопротивлением значительной части экономической, политической и военной элиты Сирии, стремительно терявшей свои позиции в условиях поощряемого Насером доминирования египтян во всех сферах государственной и общественной жизни ОАР. На фоне роста недовольства авторитарным стилем правления Насера группа сирийских офицеров в

сентябре 1961 г. захватила власть в Дамаске и объявила о независимости Сирии и ее выходе из состава объединенного государства.

В 1963 г. в Сирии и Ираке в результате государственных переворотов пришли к власти представители панарабистской Партии арабского социалистического возрождения (Баас), которые предприняли шаги к объединению с Египтом, сохранившим в то время название ОАР, в федерацию из трех государств. Однако из-за разногласий между Насером, претендовавшим в силу собственного понимания панарабизма на роль единоличного лидера в новом политическом объединении, и баасистами, опасавшимися превратиться в своих странах в правительства только де-юре, без реальных полномочий, этот план не был реализован и вскоре вовсе потерял свою актуальность вследствие того, что иракские баасисты в результате очередного государственного переворота утратили свою власть.

Руководствуясь точкой зрения С. Уолта, следует признать, что семи ближневосточным монархам, выступавшим противниками насеровской интерпретации панарабистской идеи, вследствие четкого обозначения границ властных полномочий и отсутствия каких-либо универсалистских притязаний у каждого из них, было значительно проще договориться об образовании в 1971–1972 гг. устойчивой федерации, получившей название Объединенных Арабских Эмиратов. В системе органов власти ОАЭ ключевую позицию занимает Высший совет союза, который состоит из глав всех эмиратов, входящих в федерацию, и определяет общую политику государства. При этом президент ОАЭ, эмир столичного эмирата Абу-Даби, будучи номинальным главой федерации, председательствует в Высшем совете и осуществляет руководство проходящими в нем дебатами, но при этом он не наделен какими-либо исключительными полномочиями при принятии политических решений.

Рабочую гипотезу настоящего исследования также подтверждает и процесс идеологического размежевания, наблюдавшийся в ходе попыток Советского Союза выстроить под своим идейным руководством иерархическую систему, которая бы охватывала собой все социалистические государства. Вскоре после окончания Второй мировой войны югославский лидер И. Броз Тито выдвинул собственную теорию построения социализма, согласно которой средства достижения данной цели в каждом государстве должны определяться самим государством, а не каким-либо образцом, установленным в другой стране [Unkovski-Korica 2016, p. 33], под которой подразумевался СССР. Эта теория положила начало советско-югославскому конфликту, развернувшемуся в 1948–1949 гг. и принявшему характер жесткого идеологического противостояния, во время которого Тито сблизился с США и даже заключил со-

юзный договор с вошедшими в НАТО Турцией и Грецией. После формальной нормализации в 1955 г. отношений с Советским Союзом Югославия продолжала придерживаться независимого от Москвы внешнеполитического курса: она не стала членом Организации Варшавского договора (ОВД) – военно-стратегического объединения социалистических государств Европы, ведущая роль в котором принадлежала СССР, а напротив, в противовес и ОВД, и НАТО выступила одним из инициаторов создания Движения неприсоединения – международной организации, объединяющей государства с различным политическим строем на принципах неучастия в военных блоках. Взаимодействие с Советом экономической взаимопомощи (СЭВ) Югославия ограничивала статусом сначала наблюдателя, а впоследствии – только ассоциированного члена данной межправительственной организации.

Решения XX съезда КПСС, связанные с осуждением культа личности И.В. Сталина и провозглашением смены внешнеполитического курса Советского Союза от конфронтации с Западом к мирному сосуществованию с ним привело к дальнейшему разрушению представлений о «монолитном коммунизме» – абсолютном идеологическом единстве в социалистическом лагере [Luthi 2008, р. 6]. Первая половина 60-х гг. ознаменовалась разрывом отношений Китая и Албании с СССР. Лидеры этих двух стран, Мао Цзэдун и Э. Ходжа, разделявшие сталинский подход к руководству государством и строительству социализма, стремились использовать свой идеологический авторитет для сохранения и укрепления собственной власти, обвиняя советское руководство в «великодержавном шовинизме» и «ревизионизме»³ [Ходжа 1985, с. 902–903]. Особую позицию среди стран социализма занимала Румыния, провозгласив в 1964 г. так называемую политику «десателлизации», т. е. дистанцирования от СССР⁴: сохраняя членство в ОВД и СЭВ,

---

³ Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1981. С. 47. URL: <https://djvu.online/file/kgGS0ohkuezCt> (дата обращения: 15.08.2025).

⁴ Declarație cu privire la poziția Partidului Muncitoresc Român în problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale adoptată de Plenara largită a C.C. al P.M.R. din aprilie 1964 [Декларация о позиции Румынской рабочей партии по вопросам международного коммунистического и рабочего движения, принятая расширенным Пленумом ЦК РПП в апреле 1964 г.]. București: Editura politică, 1964. 61 p. URL: <https://constitutii.wordpress.com/wp-content/uploads/2022/10/declaratia-pmr-din-aprilie-1964-optim1.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

она не разрешала проводить военные учения на своей территории, на протяжении всего советско-китайского конфликта соблюдала нейтралитет и поддерживала дружеские отношения с КНР, а также, в отличие от других государств, ориентировавшихся на Советский Союз, не стала разрывать дипломатические отношения с Израилем после Шестидневной войны в 1967 г. и с Чили после пиночетовского переворота в 1973 г.

С точки зрения неореалистов, идеологические сходства и различия в целом вторичны по отношению к императивам безопасности и по этой причине актуализируются только при условии, что государства уверенно чувствуют себя на международной арене. Именно поэтому, с позиции данного направления теории международных отношений, существовавшая во второй половине XX в. биполярная система мировой политики отличалась высоким уровнем идеологизированности: механизмы взаимного сдерживания двух ядерных сверхдержав позволяли остальным странам проявлять определенную гибкость в выборе идеологического лагеря без опасения возмездия со стороны той или иной сверхдержавы.

Следует, однако, отметить, что приведенный аргумент неореалистов может быть оспорен. К примеру, так называемый парадокс стабильности-нестабильности показывает, что в ядерный век два полюса силы будут воздерживаться от открытых конфликтов друг с другом (стабильность на уровне взаимоотношений сверхдержав), но при этом у них появляются стимулы к организации прокси-конфликтов в третьих странах, причем без опасения, что эти региональные конфликты перерастут в глобальное противостояние. С точки зрения данной теоретической конструкции, именно третьи страны в биполярной системе оказываются в наиболее уязвимом положении и являются наиболее вероятными целями как для прямого военного вмешательства, так и для «скрытых операций».

Идеология в однополярных, биполярных и многополярных системах межгосударственных отношений

В первые десятилетия XXI в. влияние идеологических процессов на формирование межгосударственных альянсов подробно исследовал в своих работах М. Хаас, профессор католического Университета Святого Духа им. Дюкейна (Питтсбург, штат Пенсильвания, США) [Haas 2005; Haas 2012; Haas 2021; Haas 2022]. Он продемонстрировал, что в идеологически однополярной системе, представляющей собой достаточно редкое в историческом плане

явление, государства склонны объединяться против враждебной идеологии, существующей на субгосударственном уровне (например, на уровне революционных организаций), в то время как в идеологически биполярной системе угроза, исходящая от враждебных доктрин, приводит к существованию достаточно сплоченных геополитических блоков.

Наибольший интерес представляют идеи Хааса об идеологически многополярной системе, когда существуют три и более конкурирующие друг с другом политические идеологии. С его точки зрения, результатом подобной конфигурации станет регулярное «недобалансирование», т. е. создание неэффективных альянсов или их отсутствие как таковых. Данная ситуация возникает постольку, поскольку стороны, придерживающиеся враждебных идеологий, будут стремиться переложить бремя сдерживания друг на друга, что хорошо отражает высказывание, приписываемое Мао Цзэду: «Мудрая обезьяна сидит на горе и наблюдает, как в долине дерутся дракон и тигр».

При этом эффективное балансирование все же представляется возможным, но при условии, что какой-то один отдельно взятый идеологический проект будет одновременно восприниматься другими сторонами в качестве наиболее опасного как в доктринально-политическом, так и в военном отношении. На наш взгляд, примером такого эффективного балансирования выступала антигитлеровская коалиция СССР, Великобритании и США в годы Второй мировой войны. Иными словами, для эффективного балансирования внешние угрозы идеологического и военно-политического характера должны совпадать, в противном случае абстрактное правительство будет не в состоянии сделать выбор между сдерживанием противника военного и противника идеологического, то есть предпочтет стратегию «передачи фишки» (buck-passing), пытаясь переложить бремя ответственности на другое государство.

Следует задаться существенным вопросом методологического характера: а каким именно образом срабатывает механизм распознавания той или иной идеологии как наиболее опасной? Представляется, что ответ на него можно дать, исходя из «политологической аксиоматики»: политическое руководство любого государства ориентировано в первую очередь на сохранение собственной власти и поэтому будет воспринимать в качестве таковой идеологию, подрывающую его легитимационный нарратив. Также в качестве достаточно опасных должны восприниматься идеологии, которые так или иначе связаны с призывом радикально пересмотреть систему распределения благ – в том случае, если подобный пересмотр способен нарушить негласный «обществен-

ный договор» между правящей элитой и подвластными. При этом опасения у опытных политиков будет скорее всего вызывать не столько сама радикальность какого-либо идеологического проекта, сколько его популярность: радикальная, но явно маргинальная идея может быть запрещена из имиджевых и формалистских соображений, но вряд ли будет восприниматься как серьезный вызов правящему режиму.

Возвращаясь к проблеме «аксиоматики» политической науки, следует подчеркнуть, что стремление к сохранению и преумножению власти действительно рассматривается как ключевой движущий мотив деятельности любого правительства. Так, американские экономисты Д. Асемоглу и Дж.А. Робинсон в своей известной книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные», несколько упрощая исторический материал, утверждают, что император Николай I сознательно сдерживал индустриализацию и транспортное развитие страны, опасаясь, что растущая промышленная экономика «подорвет патриархальный политический уклад России» и что по железной дороге в страну «придет революция» [Асемоглу, Робинсон 2015, с. 257, 373]. Здесь можно спорить о некоей глубинной мотивации императора: считал ли он необходимым сохранить власть дома Романовых или первым делом всеми силами хотел избежать социально-политической смуты как «абсолютного зла», однако для стороннего наблюдателя действия Николая I выглядят именно как стремление сохранить незыблемость правящего режима. При этом, конечно, можно предполагать, что мотивация любого политического деятеля является достаточно многомерным феноменом, и в ее структуре могут присутствовать мотивы, которые он не то, что публично не признает, но даже сам не осознает в силу имеющихся защитных механизмов. Однако подобная философско-политическая дискуссия лежит за пределами данного исследования.

Идеологическая многополярность и «недобалансирование» на Ближнем Востоке

Профессор Техасского университета А&М Ф.Г. Гоуз попытался применить идеи М. Хааса для анализа геополитических процессов на Ближнем Востоке и, в частности, для объяснения причин, вследствие которых так и не сформировалась эффективная коалиция, направленная на сдерживание Ирана, выступающего в качестве одного из самых мощных региональных игроков [Gause 2017]. Однако отмечая, что в качестве основного фактора,

препятствующего созданию такой, по своей сути, антишиитской коалиции, выступает идеологическая многополярность, которая проявляется в существовании идейных противоречий между ключевыми суннитскими силами, он скорее намечает траекторию для возможностей применения концепции «недбалансирования» в данном регионе, не давая развернутый ответ на вопрос, почему не складывается саудовско-турецкий альянс, хотя его реализация вполне укладывается в логику баланса сил и позволила бы продвигать суннитский антииранский проект. Представляется, что аргументация Гоуза вполне может быть дополнена и доработана.

Для демонстрации возможностей применения объяснительной модели Хааса вновь обратимся к приведенным нами в настоящей статье уточнениям о механизме распознавания враждебных идеологий и несколько сузим обозначенную Гоузом проблему до вопроса: почему Королевство Саудовская Аравия не стремилось и не стремится создать антииранский союз с Турцией?

В чисто доктринальном плане иранский идеологический проект враждебен любой версии суннитского проекта. Однако, как мы уже отмечали, правящий режим оценивает не только степень радикальности враждебной идеологии, но и ее возможную популярность у подвластных. Большинство подданных королевского дома аль-Саудов, равно как и большинство турецких граждан, исповедуют ислам суннитского толка, и шиитские идеи для них в принципе одинаково не приемлемы. И именно поэтому различные политические трактовки суннизма в определенном смысле вызывают у правящего режима Королевства больше тревоги, чем иранский идеологический проект, который просто будет отвергнут саудовским обществом.

Турецкая версия политического ислама воспринимается в Королевстве как «демократическая», в которой, в частности, ставится под сомнение сакральность монархической власти для мусульман. На практике это выражается в том числе и в поддержке Турцией протестных и радикальных политических организаций на Ближнем Востоке, включая движение «Братья-мусульмане»^{**}. Деятельность этих организаций отчасти направляется определенными антимонархическими и «псевдодемократическими» установками, поэтому, по сути, идеологические проекты, аффилированные с Турцией, являются прямым вызовом легитимационному нарративу королевского дома Саудовской Аравии. Иными словами, не опасаясь массового перехода своих подданных в ислам шиитского

---

^{**} Решением Верховного суда Российской Федерации признана террористической организацией.

толка, королевский дом, однако, весьма серьезно обеспокоен возможностью «демократизации» их взглядов в результате экспозиции к турецкому политическому проекту.

При этом на территории Саудовской Аравии существуют территории компактного проживания шиитских меньшинств, в частности Восточный административный район, ранее известный как Эш-Шаркия, что является источником постоянной тревоги для королевского дома и поводом для усиления региональных силовых структур. Представляется при этом, что беспокойство вызывает не столько перспектива шиитских беспорядков *per se*, сколько возможность нанесения экономического ущерба нефтяной промышленности Королевства, поскольку именно в Восточном административном районе сосредоточены основные запасы углеводородов страны. Правящая династия достаточно серьезно относится к подобной угрозе, поскольку экономическое процветание государства обеспечивается исключительно за счет грамотного перераспределения доходов от экспорта нефти. Однако все же такая угроза не носит экзистенциального характера по сравнению с турецким проектом «демократического» ислама.

Заключение

Идеологии, преследующие цель объединения государств на основе некоторой общей системы ценностей, на практике могут выполнять как консолидирующую, так и разобщающую функцию. Так, в системе межгосударственных отношений, предполагающей выстраивание на той или иной идеологической основе иерархической зависимости входящих в нее участников при очевидном доминировании одного из них, с высокой степенью вероятности могут проявляться центробежные тенденции, что подтверждается как несостоявшейся попыткой создания ОАР, так и не реализованным Советским Союзом стремлением сформировать под своим идейным руководством единый социалистический лагерь. Напротив, в политических объединениях, не предполагающих формирование иерархических отношений между входящими в них государствами, идейная основа выступает скорее в качестве консолидирующего начала, о чем свидетельствует, в частности, создание и дальнейшее успешное развитие ОАЭ как устойчивой федерации семи равноправных абсолютных монархий, а также отчасти и длительное существование в первой половине XIX в. Священного союза, который вошел в историю международных отношений как «сплоченная организация с резко очерченной клерикально-монархической

идеологией, созданная на основе идеи подавления революционного духа и политического и религиозного свободомыслия, где бы они ни проявлялись» [Ефимов, Тарле 1941, с. 385].

В идеологически многополярных системах, где сосуществуют три и более конкурирующие друг с другом политические идеологии, представляется возможным формирование коалиции нескольких государств при условии, что выразитель какого-либо одного отдельно взятого идеологического проекта будет одновременно восприниматься участниками данной коалиции, независимо от глубины идейных расхождений между ними, в качестве носителя наибольшей для них угрозы и в доктринально-политическом, и в военном отношении. Наглядным примером такого успешного взаимодействия государств выступает антигитлеровская коалиция, образованная во время Второй мировой войны Советским Союзом, Великобританией и США. Вместе с тем в условиях идеологической многополярности идейные расхождения между государствами могут препятствовать образованию эффективных коалиций, способствующих установлению баланса сил, что наглядно демонстрирует современная политическая ситуация на Ближнем Востоке.

Литература

- Асемоглу, Робинсон 2015 – *Асемоглу Д., Робинсон Дж.А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 692 с. (Мировой бестселлер)
- Бурова 2014 – *Бурова А.Н.* Политический портрет Гамалья Абдель Насера: конфликт интерпретаций в египетском политическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2014. № 1 (123). С. 204–209.
- Ефимов, Тарле 1941 – *Ефимов А.В., Тарле Е.В.* От создания Священного союза до Июльской революции (1815–1830 гг.) // История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина: В 3 т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1941. С. 385–406.
- Мангейм 1976 – *Мангейм К.* Идеология и утопия: [В 2 ч.]. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам АН СССР, 1976. Ч. 1. 247 с.; Ч. 2. 151 с.
- Ходжа 1985 – *Ходжа Э.* Еврокоммунизм – это антикоммунизм // Ходжа Э. Избранные произведения. Т. 5: Ноябрь 1976 – июнь 1980. Тирана: 8 Нентори, 1985. С. 859–1062.
- Dawisha 2016 – *Dawisha A.* Arab nationalism in the 20th century: From triumph to despair. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. 359 p.
- Gause 2017 – *Gause F.G.* Ideologies, alignments, and underbalancing in the new Middle East Cold War // Political Science and Politics. 2017. Vol. 50. No. 3. P. 672–675. <https://doi:10.1017/S1049096517000373>

- Haas 2005 – *Haas M.L.* The ideological origins of great power politics, 1789–1989. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 232 p.
- Haas 2012 – *Haas M.L.* The clash of ideologies: Middle Eastern politics and American security. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 302 p.
- Haas 2021 – *Haas M.L.* When do ideological enemies ally? // *International Security*. 2021. Vol. 46. No. 1. P. 104–146. https://doi.org/10.1162/isec_a_00413
- Haas 2022 – *Haas M.L.* Frenemies: When ideological enemies ally. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2022. 306 p.
- Holsti 1991 – *Holsti K.J.* Peace and war: Armed conflicts and international order, 1648–1989. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1991. 379 p.
- LeDonne 1997 – *LeDonne J.P.* The Russian Empire and the world, 1700–1917: The geopolitics of expansion and containment. N.Y.: Oxford University Press, 1997. 394 p.
- Luthi 2008 – *Luthi L.M.* The Sino-Soviet split: Cold War in the Communist world. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 375 p.
- Schroeder 1994 – *Schroeder P.* Historical reality vs. Neo-Realist Theory // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 108–148. <https://doi.org/10.2307/2539150>
- Tsygankov 2012 – *Tsygankov A.P.* Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in international relations. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 325 p.
- Unkovski-Korica 2016 – *Unkovski-Korica V.* The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia: From World War II to non-alignment. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2016. 320 p.
- Walt 1985 – *Walt S.M.* Alliance formation and the balance of world power // *International Security*. 1985. Vol. 9. No. 4. P. 3–43. URL: <https://doi.org/10.2307/2538540>

References

- Acemoğlu, D. and Robinson, J.A. (2015), *Pochemu odni strany bogatyje, a drugie bednye: proiskhozhdenie vlasti, protsovetaniya i nishchety* [Why some nations are rich and others fail: The origins of power, prosperity, and poverty], AST, Moscow, Russia. (*Mirovoi bestseller*)
- Burova, A.N. (2014), “Political portrait of Gamal Abdel Nasser: conflict of interpretations in Egyptian political discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, vol. 123, no. 1, pp. 204–209.
- Dawisha, A. (2016), *Arab nationalism in the 20th century: From triumph to despair*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Efimov, A.V. and Tarle, E.V. (1941), “From the creation of the Holy Alliance to the July Revolution (1815–1830)”, in Potemkin, V.P., ed., *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy], vol. 1, Sotsekgiz, Moscow, USSR, pp. 385–406.
- Gause, F.G. (2017), “Ideologies, alignments, and under-balancing in the new Middle East Cold War”, *Political Science and Politics*, vol. 50, no. 3, pp. 672–675.
- Haas, M.L. (2005), *The ideological origins of great power politics, 1789–1989*, Cornell University Press, Ithaca, USA.

- Haas, M.L. (2012), *The clash of ideologies: Middle Eastern politics and American security*, Oxford University Press, New York, USA.
- Haas, M.L. (2021), “When do ideological enemies ally?”, *International Security*, vol. 46, no. 1, pp. 104–146.
- Haas, M.L. (2022), *Frenemies: When ideological enemies ally*, Cornell University Press, Ithaca, New York, USA.
- Holsti, K.J. (1991), *Peace and war: Armed conflicts and international order, 1648–1989*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA.
- Hoxha, E. (1985), “Eurocommunism is anti-communism”, in Hoxha E. *Selected works*, vol. 5: November 1976 – June 1980, 8 Nentori, Tirana, Albania, pp. 859–1062.
- LeDonne, J.P. (1997), *The Russian Empire and the world, 1700–1917: The geopolitics of expansion and containment*, Oxford University Press, New York, USA.
- Luthi, L.M. (2008), *The Sino-Soviet split: Cold War in the Communist world*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Manheim, K. (1976), *Ideologiya i utopiya* [Ideology and utopia], Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam AN SSSR, Moscow, USSR.
- Schroeder, P. (1994), “Historical reality vs. Neo-Realist Theory”, *International Security*, vol. 19, no. 1, pp. 108–148.
- Tsygankov, A.P. (2012), *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in international relations*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, USA.
- Unkovski-Korica, V. (2016), *The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia: From World War II to non-alignment*, I.B. Tauris, London, UK, New York, USA.
- Walt, S.M. (1985), “Alliance formation and the balance of world power”, *International Security*, vol. 9, no. 4, pp. 3–43.

Информация об авторах

Михаил Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; grachev.m@rggu.ru

Сергей В. Лебедев, кандидат политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; svlebedev@hse.ru

Information about the authors

Mikhail N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq, Moscow, Russia, 125047; grachev.m@rggu.ru.

Sergei V. Lebedev, Cand. of Sci. (Political Science), HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000; svlebedev@hse.ru